

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей
ПЛАТОНОВ

Епифанские шлюзы

ImWerdenVerlag
München 2006

I

«Сколь разумны чудеса натуры, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространств, то непостижно даже самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу! Зришь ли ты, хотя бы умозрительно, местожительство своего брата в глубине азийского континента? Ведомо мне, того ты не умопостигаешь. Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Еуропой и многолюдством родного моего Ньюкестля, где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору.

Тем усерднее средоточится скорбь во мне по родине, тем явственней свербит во мне тоска пустынножительства.

Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в невежестве своем. Уста мои срослись от безмолвия просвещенной речи. Токмо условные сигналы десятским я подаю на сооружениях своих, а они команду рабочим громко говорят.

Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одели, да и равнины почитай ими сплошь укрыты. Алчный зверь наравне с человеком себе жизнь промышляет, и сельские россы великое беспокойство от них держат.

Однако, зерна и говядины здесь вдосталь, и обильное питание утучнение мне учинило, несмотря на мою душевную скорбь об Ньюкестле.

Это письмо не столь подробно, как предыдущее. Купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, уже починили свои корабли и готовятся к отлучке. С ними я и посылаю эту графическую посылку, дабы она скорее достала Ньюкестля. А негоцианты спешат, ибо Танаид* может усохнуть и тогда не поднимет грузные корабли. А просьба моя невелика, и тебя с такого дела станет.

Царь Петер весьма могучий человек, хотя иразбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью.

Однако, к иноземным корабельщикам он целокупно благосклонен и яростен на щедрость им.

На устье реки Воронеж построен мной двухкамерный шлюз с перемычкой, что дало помогу починкам кораблей на суше, не причиняя им большой ломки. Устроил я также большую перемычку и шлюз с воротами, придав ему размеры, достаточные для пропуска воды. Потом устроил другой шлюз с двумя большими воротами, через которые могли бы проходить большие корабли так, что их можно бы запираť во всякое время в пространстве, огражденном перемычкою, и спускать из него воду, когда корабли войдут в него.

И в той работе прошло 16 месяцев. А с тем пришла другая работа. Царь Петер остался доволен трудами моими и приказал строить другой шлюз выше, дабы сделать реку Воронеж судоходною до самого города для кораблей в 80 пушек. И эту тягость я снес в 10 месяцев, и ничего с сооружениями моими не станется, пока свет стоит. Хотя и слаб грунт в месте шлюза и били могучие ключи. Немецкие помпы стали слабосильны от ключей, и шесть недель стояла работа от обильности тех ключей. Тогда мы изготовили машину, коя

* Танаид — древнегреческое название реки Дон. — (Прим. ред.).

12 бочек воды в минуту истребляла и работала без утиха 8 месяцев, и тогда мы посуху в глубь котлована пошли.

После столь понудных трудов. Петер поцеловал меня и вручил тысячу рублей серебром, что немаловажные деньги. Еще сказал мне царь, что и Леонардо да Винчи, изобретатель шлюзов, не устроил бы лучше.

А сурьезность моей мысли в том, что я хочу тебя, любимый мой Бертран, позвать в Россию. Здесь весьма к инженерам щедры, а Петер большой затейщик на инженерные дела. Самолично я услышал от него, что есть нужда в устройстве канала меж Доном и Окою, могучими туземными реками.

Царь желает создать сплошной водный тракт меж Балтикой и Черным и Каспийским морем, дабы превозмочь обширные пространства континента в Индию, в Средиземные царства и в Еуропу. Сие зело задумано царем. А догадку к тому подает торговля и купецкое сословие, кое все, почитай, промышляет в Москве и смежных городах; да и богатства страны расположение имеют в глубине континента, откель нету выхода, кроме как сплотить каналами великие реки и плавать по ним сплошь от персов до Санкт-Петербурга и от Афин до Москвы, а также под Урал, на Ладугу, в Калмыцкие степи и далее.

Но туго царю Петеру надобны инженеры для стольного дела. Ведь канал меж Доном и Окой немалое дело, и тут потребно усердие большое и пущее знание.

Вот я и обещал Петеру-царю, что позову из Ньюкестля брата Бертрана, а сам устал, да и невесту я люблю и соскучился. Четыре года в дикарях живу, и сердце ссохлось, и разум тухнет.

Напиши против сего писания твое решение по такому случаю, а я дам тебе совет, чтоб ехать. Трудно тебе будет, но через пять лет поедешь в Ньюкестль в избытке и кончишь жизнь на родине в покое и достатке. Для сего не скорбно потрудиться.

Передай мою любовь и тоску невесте моей Анне, а через малую длительность я вернусь. Скажи ей, что я уже питаюсь только кровотоцием своего сердца по ней, и пускай она дождется затем прощай меня и глянь ласково на милое море, на веселый Ньюкестль и на всю родимую Англию.

Твой брат и друг, инженер Вильям Перри». 1708 лета осьмаго Аугуста.

II

Весною 1709 года в первую навигацию в Санкт-Петербург приплыл Бертран Перри.

Путешествие из Ньюкестля он совершил на старом судне «Мери», много раз видавшем и австралийские и южноафриканские порты. Капитан Сутерленд пожал Перри руку и пожелал доброго пути в страшную страну и скорого возвращения к родному очагу. Бертран его поблагодарил и ступил на землю — в чуждый город, в обширную страну, где его ожидала трудная работа, одиночество и, быть может, ранняя гибель.

Бертрану шел 34 год, но угрюмое, скорбное лицо и седые виски делали его сорокапятiletним.

В порту Бертрана встретил посол русского государя и резидент* английского короля.

Сказав друг другу скучные слова, они расстались: государев посланец пошел домой есть гречневую кашу, английский резидент к себе в бюро, а Бертран — в отведенный ему покой близ морского цейхгауза.

* Здесь — консул. — (Прим. автора).

В покоях было чисто, пусто, укромно, но тоскливо от тишины и уютности. В венецианское окно бился пустынный морской ветер, и прохлада от окна еще пуще говорила Бертрону об одиночестве. На прочном и низком столе лежал пакет за печатями. Бертран вскрыл его и прочитал:

«По повелению Государя и Самодержца Всероссийского, Наук-Коллегия любезно просит аглицкого морского инженера Бертрана-Рамсэя Перри пожаловать в Наук-Коллегию — в Водно-Канальное Установление, что по Обводному проишектору помещение особое имеет.

Государь имеет самоличное наблюдение за движением прожекта по коммутации рек Дона с Окою — через Иван-озеро, реку Шать и реку Упу, — посему надлежит в прожектёрском труде поспешать.

А с тем и Вам следовало бы в Наук-Коллегии наспех, однако допустив себе отдых после морского перехода, сколь с чувствами и всей телесной физикой мирно станется».

По приказу Президента,
Главный Уставщик и Юриспрудент
Наук-Коллегий — Генрих Вортман

Бертран лег с письмом на широкий немецкий диван и нечаянно заснул.

Проснулся он от бури, тревожно гремевшей в окне. На улице, в мраке и безлюдье, беспокойно падал влажный густой снег. Бертран зажег лампу и сел к столу насупротив жуткого окна. Но делать было нечего, и он задумался.

Прошло длинное время, и земля давно встретила медленную ночь. Иногда Бертран забывался и, резко оборачиваясь, ожидал встретить родную комнату в Ньюкестле, а за окном — ландшафт теплой людной гавани и смутную полосу Европы на горизонте.

Но ветер, ночь и снег на улице, молчание и прохлада в покоях — указывали Бертрону на иную широту положения его жилища.

И то, отчего он так долго отнекивался в своем сознании, вмиг застлало его фантазию.

Мери Карборунд, его двадцатилетняя невеста, сейчас, наверно, ходит по зеленым улицам Ньюкестля и носит в своей блузе сиреневую ветку. Быть может, другой ее водит под руку и шепчет убедительно про лживую любовь — то останется Бертрону навеки неизвестным. Он две недели плыл сюда, а что случиться может в этот срок в фантастическом безумном сердце Мери?

И разве может женщина ждать мужа пять или десять лет, растя в себе любовь к невидимому образу? Едва ли так. Тогда давно весь мир уже был бы благодороден.

А ежели б в тылу имелась достоверная любовь, тогда бы каждый пешком пошел хоть на луну!

Бертран насыпал трубку индийским табаком.

— Однако, Мери была права! На что ей нужен муж-негоциант или простой моряк? Она любезна мне и умница большая...

Мысли Бертрана шли стремительно, но чередуясь и соблюдая ясный такт.

— Неукоснимо ты права, маленькая Мери... Я помню даже то, как ты травую пахла. Я помню ты сказала: мне нужен муж, как странник Искандер, как мчащийся Тамерлан или неукротимый Атилла. А если и моряк, то, как Америго Веспуччи... Ты знаешь много и мудрица, Мери!.. Ты истинно права: если муж тебе дороже жизни, то, пускай, он будет интересней и редкостней ее! Иначе ты заскучаешь и несчастье тебя погубит.

Бертран неистово сплюнул табачную жвачку и сказал:

— Да, Мери, слишком ты остра на ранний разум! И я, пожалуй, сам такой жены не стою. Зато как хорошо ласкать такую резвую головку! То мне отрада, что под косой

жены живет горячий мозг!.. Но еще посмотрим!.. Затем я и приехал в сию грустнейшую Пальмиру! Послание Вильяма непричастно к такой судьбе, но оно сердечному решению помогло...

Бертран околел и стал собираться спать. Пока он воображал Мери и умственно беседовал с ней, над Санкт-Петербургом успела рассвирепеть вьюга и, окорачиваясь у зданий, она студила покои.

Завернувшись в одеяло, укрывшись сверху морской шинелью из чертового вечного сукна, Бертран дремал, и тонкая живая печаль, не переставая, не слушаясь разума, струилась по всему его сухому сильному телу.

На улице раздался странный резкий звук, будто корабль треснул по всей обшивке от удара льда; Бертран открыл глаза, прислушался, но мысль его отвлеклась от страдания, и он уснул, не опомнившись.

III

На другой день в Наук-Коллегии Бертран знакомился с замыслом Петра. Проект был только начат.

Задание царя сводилось к тому, чтобы создать сплошной судовой ход меж Доном и Окою, а через то — всего придонского края с Москвою и волжскими провинциями. Для сего требовалось произвести большие шлюзовые и каналные работы, к прожектёрству которых и был призван Бертран из Британии.

Следующая неделя ушла у Бертрانا на знакомство с изыскательскими документами, по которым следовало прожектировать работы. Документы оказались добропорядочными и составлены знающими людьми: французским инженером генерал-майором Трузсоном и польским техником капитаном Цицкевским.

Бертран был доволен, ибо добрые изыскания делали способным скорое начатие строительных работ. Тайная дума Бертрانا хоронилась в том предмете, что он очаровался Петром еще будучи в Ньюкестле и хотел стать его соучастником в цивилизации дикой и таинственной страны.

А тогда бы и Мери восхотела его мужем своим иметь.

Искандер завоевывал, Веспуччи открывал, а теперь наступил век построек — окровавленного воина и усталого путешественника сменил умный инженер.

Трудился Бертран тяжело, но счастливо — горе его разлуки с невестой в работе припотухало.

Жил он в тех же покоях; адмиралтейских и штатских ассамблей не посещал и знакомств с дамами и их мужьями чуждался, хотя некоторые светские женщины и искали общества с одиноким англичанином. Бертран вел работу, как Корабль, — осторожно, здравосмысленно и скоро, избегая теоретических мелей и перекатов в своих планшетах.

К началу июля проект был исполнен, и планы начисто переписаны. Все документы были доложены царю, который их одобрил, а Бертрану приказал выдать награду в 1.500 рублей серебром, а впредь жалованье учредить по 1.000 рублей в каждый месяц и назначить главным мастером и строителем всех шлюзов и каналов, что Дон с Окой соединить должны.

В тот же час Петр отдал приказы наместникам и воеводам, по провинциям которых шлюзы и каналы строиться будут, дабы они оказали полное воспособление главному инженеру — всем, чего он не потребует. Бертрану же были даны права генерала и соподчинение он имел только царю и главнокомандующему.

После официальной беседы Петр встал и имел к Бертрану речь:

— Мастер Перри! Я знаю твоего брата Вильяма, тот завидный речной корабельщик и на славу водяную силу братать может искусными устройствами. А тебе, не в пример ему, поручается зело умный труд, коим мы навеки удумали главнейшие реки империи нашей в одно водяное тело сплотить и тем великую помощь оказать мирной торговле, да и всякому делу военному. Через оные работы крепко решено нами в сношение с древле-азиатскими царствами сквозь Волгу и Каспий войти и весь свет с образованной Европой, поелику возможно, обручить. Да и самим через ту всеветную торговлишку малость попитаться, а на иноземном мастерстве руку народа набить.

Через то я поручаю тебе к работам приступить немедленно — судовому ходу тому быть!

А что сопротивление тебе будут чинить — про то доноси мне гонцами — на живую и скорую расправу. Вот моя рука — тебе порука! Держи начало крепко, труд води мудро — благодарить я могу, умею и сечь нерадетелей государева добра и супротивщиков царской воли!

Тут Петр с быстротой, незаконной в его массивном теле, подошел к Бертрану и потрянул его руку.

Затем Петр повернулся и ушел в свои покои, прохаркиваясь и тяжело дыша на ходу.

Речь царя Бертрану перевели, и она ему понравилась.

Проект Бертрана Перри состоял в следующих частях: построить 33 плюза из дикого и известкового камня; прорыть соединительный канал от деревни Любовки на реке Шати до деревни Бобриков на Дону длиною 23 версты; реку Дон прочистить и углубить для судового хода от деревни Бобриков до деревни Гай, по длине в 110 верст; кроме того, Иван-озеро, откуда Дон течет, а также весь канал — валом и земляными дамбами окружить и заулючить.

Всего, стало быть, требовалось устроить 225 верст судового пути, один конец которого был в Оке, а другой внедрялся 110-верстным каналом в Дон. Ширину каналу следовало придать 12 сажен, а глубину 2 аршина.

Строительное управление предусматривалось Бертраном в г. Епифани, в Тульской провинции, ибо в том городе сходилась середина будущих работ.

Вместе с Бертраном должны были ехать еще пять немецких инженеров и десять писцов из Административного Приказа.

День отбытия пал на 18 июля. В тот день к 10 часам утра к покоям Бертрана должны подать дорожные кареты для следования в глухой и терпеливый путь, держа маршрут на неприметный пункт — Епифань.

IV

Покуда векует на свете душа, потуда она и бедует.

Собравшись для изрядной еды, пять немцев и Перри понадеялись зарядиться пищей на сутки.

И, действительно, животы они набили круто, готовясь для долгого созерцания тогдашних немощных русских пространств.

Уже Перри в дорожный рундучок пачки с табаком укладывал — последнее дело его перед всякой дорогой. Уже немцы письма своим семьям кончали, и младший из них, Карл Берген, вдруг разрыдался от жмущей сердце неудержимой тоски по молодой, любимой еще жене.

И тут затряслась дверь от резкого стука казенной руки: так мог стучать посланный либо арестовать, либо известить о милости бешеного царя.

Но то был гонец из Почт-Приказа.

Он попросил указать ему Бертрана Перри, аглицкого капитан-инженера. И пять немецких рук, в родинках и веснушках, указали ему на англичанина.

Гонец нелепо выбросил вперед ногу и почтительно подал Перри некий пакет за пятью печатями.

— Сударь, соизвольте приять посыл из аглицкой державы!

Перри отошел от немцев к окну и вскрыл пакет.

«Ньюкестль, Июня, 28.

Мой славный Бертран! Ты не ждешь этой вести. Мне трудно тебя огорчать, наверно, любовь к тебе меня еще не оставила. Но уже новое чувство жжет меня. И жалкий разум мой напряжен, чтобы поймать твой милый образ, который так скорбно обожало мое сердце.

Но ты наивен и жесток — ради наживы золота ты уплыл в дальнюю землю; ради дикой славы ты погубил мою любовь и мою ждущую нежности молодость. Я женщина, я слаба без тебя, как веточка, и отдала свою жизнь другому.

Ты помнишь ли, мой славный Берт, Томаса Рейса? Вот он стал моим мужем. Ты огорчен, но признайся, что он очень славный и такой преданный мне! Некогда я отказала ему и предпочла тебя. Но ты уехал, и он долго утешал меня в моем ужасе и в моей тоскливой любви по тебе.

Не печалься, Берт! Мне так тебя жалко! Ты думал и вправду мне нужен был мужем Александр Македонский? Нет, мне нужен верный и любимый, а там, пускай, он хоть уголь грузит в порту или плавает простым матросом, но только поет всем океанам песни обо мне. Вот что нужно женщине, имей это в виду, глупый Бертран!

Две недели уже, как вышла наша свадьба с Томасом. Он весьма счастлив, и я тоже. Кажется, у меня ребенок тревожится под сердцем. Видишь, как скоро! Это потому, что Томас мой любимый и не оставит меня, а ты уехал колонии искать — возьми их себе, а я взяла Томаса.

Прощай! Не печалься, а будешь в Ньюкестле — навести нас, мы будем рады. А умрешь — мы заплачем с Томасом.

Мери Карборунд-Рейс».

Перри, не помня рассудка, трижды кряду почитал письмо. Потом взглянул в огромное окно: разбить его жалко — у немцев за золото куплено стекло. Стол проломить — тяжелой вещи в наличности нет. Немцу в физиономию дать — беззащитное существо, а один из них и так плакал. Пока свирепела ярость в Перри, а он колебался своим арифметическим рассудком, его лютость сама нашла себе выход.

— Герр Перри, у вас рот не в порядке! — сказали ему немцы,

— А? Что такое? — уже обессилив, и чуя грусть спросил Перри.

— Вытрите рот, герр Перри!

Перри с трудом вырвал трубку из впившихся в нее зубов. А зубы, сжав трубку, так уперлись в свои гнезда, что порвали десна, и из них текла горькая кровь.

— Что случилось, герр? Несчастье дома?

— Нет. Кончено, друзья...

— Что кончилось, герр? Ну, пожалуйста, скажите!

— Кровь кончилась, а десны зарастут. Давайте ехать в Епифань!

Путешественники тянулись по Посольской дороге, что через Москву до Казани доходит, смыкаясь за Москвой с Калмиусской Сакмой — татарской дорогой на Русь по правой стороне Дона. На нее и следовало путникам сделать поворот, чтобы затем через Идовские и Ордобазарные большаки и малые столбы достигнуть Епифани — своего будущего местожительства.

Встречный ветер, вместе с дыханием, выдувал горе из груди Перри.

Он с обожанием наблюдал эту природу, такую богатую и такую сдержанную и скупую. Встречались земли — сплошные удобрительные туки, но на них росла непышная растительность: худая изящная береза и скорбящая певучая осина.

Даже летом так гулко было пространство, как будто оно не живое тело, а отвлеченный дух.

Изредка в лесу обнажалась церквушка — деревянная, бедная, со знаками византийского стиля в своей архитектуре. Под самой Тверью Перри заметил даже дух готики на одном деревенском храме, при протестантском постном убожестве самого здания. И на Перри задышала теплота его родины — скупой практический разум веры его отцов, понявшей тщету всего неземного.

Огромные торфяники под лесом прельщали Перри, и он чувствовал на своих губах вкус неимоверного богатства, скрытого в этих темных почвах.

Немец Карл Берген, — тот, что плакал в Санкт-Петербурге над письмом, — думал о том же. На воздухе он отживал, возбудился, забыл на время молодую жену и объяснил Перри, глотая слюну:

— Энглянд — это шахтмейстер*. Рюссланд — торфмейстер! Верно я говорю, герр Перри?

— Да, да, точно, — сказал Перри и отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом.

Изредка, но изрядно путешественники ели в попутных селениях, Перри пил целыми жбанами квашонку, в которой он нашел немалый вкус и способствование дорожному пищеварению.

Минувши Москву, инженеры долго помнили ее колокольную музыку и тишину пустых пыточных башен по углам Кремля. Особо восхитил Перри храм Василия Блаженного — это страшное усилие души грубого художника постигнуть тонкость и — вместе — круглую пышность мира, данного человеку задаром.

Иногда перед ними расстилались пространные степи и ковыльные земли, на которых не было и следа дороги.

— А где же Посольский тракт? — спрашивали немцы ямщиков.

— А вот он самый, — указывали на круглое пространство ямщики.

— А сего незаметно! — восклицали немцы, вглядываясь в грунт.

— Так тракт одно направление, а трамбовки тут быть не должно! Он до самой Казани такой — все едино! — поясняли, поелику возможно, ямщики иноземцам.

— Ах, это знаменито! — смеялись немцы.

— А то как же! — всерьез подтверждали ямщики, — оно так видней и просторней! Степь в глаза — веселья слеза!

— Весьма примечательно! — дивились немцы.

— А то как же! — поддакивали ямщики, а сами ухмылялись в бороду, дабы никому оскорбительно не было.

* Шахтмейстер — горнорабочий (нем.).

За Рязанью — обиженным и неприютным городком — уже редко жили люди. Тут шла бережная и укромная жизнь. Еще от татар остался этот страх, испуганные очи ко всякому путнику, потаенность характера и заулоченные чуланчики, где таилось впрок небогатое добро.

С удивлением вглядывался Бертран Перри в редкие укрепления с храмишками посредине. Окрест таких самодельных кремлей жили местные люди в кучах избушек. И видно было, что это — новосельные люди. А раньше все хоронились в уюте земляных валов и деревянных стен, когда татары по степному разнотравью достигали сих районов. Да и жил в тех крепостцах все более казенный народ, учиненный сюда князьями, а не полезные хлебопашцы. А теперь — разрастаются селитбища, а по осени и ярмарки гремят, даром что нынче царь то со шведами, то с турками воюет и страна от того ветшает.

Вскоре путешественники должны повернуть на Калмиюсскую Сакму — татарский ход по обочине Дона на Русь.

Однажды в полдень ямщик махнул кнутом без нужды и дико свистнул. Лошади взяли.

— Танаид! — крикнул Карл Берген, высунувшись из кареты. Перри остановил экипаж и вышел. На дальнем горизонте, почти на небе, блестела серебряной фантазией резкая живая полоса. Как снег на горе.

— Вот он, Танаид! — подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водяной ход кораблям. На планшетах в Санкт-Петербурге было ясно и сподручно, а здесь, на полуденном переходе до Танаида, оказалось лукаво, трудно и могущественно.

Перри видел океаны, но столь же таинственны, великолепны и грандиозны возлежали пред ним эти сухие косные земли.

— На Сакму! — крикнул передовой ямщик. — Ухватывай ее в укус! Штоб к ночевке на Идовском большаке быть беспрерывно!

Овсяные кони схватили и понесли полной мочью, в соучастие нетерпеливым людям.

— Окоротись! — закричал вдруг передовой ямщик и для признака задним поднял кнутовище.

— Что вышло? — спохватились немцы.

— Стражника взять забыли, — сказал ямщик.

— Какой методой? — уже покойно спросили немцы.

— За нуждой в отвершек на постое побежал — глянул, а его нету на заднем причале!

— Эх ты, бурмистр бородатый! — резонно выразился второй ямщик.

— Да вон он лупит степью, плешивый чин, за ширинку держится! — успокоился виноватый ямщик.

И странствие тронулось, держа курс на полдень — на Идовские и Ордобазарные большаки, а оттуда — на малые епифанские столбы.

VI

Работа на Епифани взялась сразу.

Малоизвестный язык, странный народ и сердечное отчаяние низложили Перри в трюм одиночества.

И лишь на работе исходила вся энергия его души, и он свирепел иногда без причины, так что сподручные прозвали его Каторжным Командиром.

Епифанский воевода занарядил всех мужиков воеводства: кто камень ломал и к шлюзам подвозил, кто на канале землю рыл, кто реку Шать чистил по живот в воде.

— Что ж, Мери! — бормотал Бертран, бродя ночью по своему епифанскому покою, — таким горем меня не взять! Покуда есть влага в сердце — спасусь! Построю канал, царь денег много даст и — в Индию... Ах, как жаль мне тебя, Мери!..

И, путаясь в страдании, тяжких мыслях и в избыточных силах своего тела, Перри грузно и безумно засыпал, тоскуя и взывая во сне, как маленький.

Около осени приехал в Епифань Петр. Он остался недоволен работами:

— Скорбь в рундуке разводите, а не тщитесь пользу отечеству ускорить, — сказал царь.

Действительно, медленно шли работы, как ни ожесточался Перри. Мужики укрывались от повинности, а лихие головы сбегали в безвестные места.

Охальные местные люди вручили Петру челобитные, в коих велся учет злomu начальству. Петр приказал повести дознание, откуда выяснилось, что воевода Протасьев за большие поборы освобождал слободских мужиков от повинностей, а поверх всего миллион рублей себе нажил на всяких начетах и требовательных ведомостях с казны.

Петр приказал Протасьева бить кнутом, а потом сослал его на Москву для дополнительного следствия, но он там досрочно с печали и стыда умер.

По отъезде Петра, когда срамота еще не забылась, другая беда нашла на епифанские работы.

Карл Берген ведал работами на Иван-озере, — валом земляным его огораживал, чтобы воду в нем поднять до нужной судоходной глубины.

В сентябре Перри получил от него рапорт, где указывалось:

«Пришлые люди, особливо московские чиновники и балтийские мастера, волею Божьею чуть не все лежат больны. Великий им упадок живет, а болят и умирают больше лихорадкою и пухнут. Простолудин же местный терпит, но при всякой тяжести и спехе работы в болотной воде, коя прохладна стала близу осени, бунт норовил учинить. Заклучу сие тем, что тако и далее пойдет, без начальников и мастеров мы очутиться можем. А затем жду спешных приказов главного инженера-строителя».

Перри уже знал, что балтийские мастера и техники-немцы не только болеют и умирают в болотах Шати и Упы-реки, но также и бегут по тайным дорогам на родину, ухватывая великие деньги.

Перри боялся весеннего половодья, которое грозило разрушить начатые и беспомощные сооружения. Он хотел довести их до безопасного состояния, чтобы полые воды особого вреда им не причинили.

Однако, того достигнуть было трудно — технические чиновники умирали и сбегали, а мужики того пуще мучились и целыми слободами не выезжали на работу. Одному же Бергену не управиться с такими злодеяниями и болотную мороку не залечить.

Тогда Перри, чтобы хоть одно зло усечь, издал по работам и всем окружным воеводствам приказ: под смертною казнью, чтобы иноземцев — канальных и шлюзных мастеров — нигде не пропускали и в подводы под них никто не наряжался и лошадей бы не продавали и в ссуды не давали.

А под приказом Перри поставил подпись Петра — для устрашения и исполнения: пускай потом царь поругает, нельзя же ехать к нему в Воронеж, где он флот на Азов снаряжал, чтобы подпись его получить и два месяца времени упустить.

Но и так пристрожить мастеровых людей не удалось.

Тогда Перри увидел, что зря таким штурмом он работы повел и столь многочисленных работных, служилых и мастеровых людей в них сразу втравил. Следовало бы начать работы спрехвала, чтобы дать народу и мастеровым к труду такому притерпеться и очухаться.

В октябре работы стали вконец. Немцы-инженеры клали все силы на то, чтобы людской охраной сооружения и заготовленные материалы снабдить, но и то не удавалось. Через это немцы слали с каждой оказией Перри рапорты, чтобы их он уволил с работ, ибо их царь запороть может, когда приедет, а они неповинны.

Однажды епифанский воевода пришел к Перри в воскресенье.

— Бердан Рамзеич! Каку штуку я тебе принес! Непостижное охальство!

— Что такое? — спросил Перри.

— А ты погляди, Бердан Рамзеич! Да ты вдумайся в документ втихомолку, а я так посижу... Штой-то дюже бездомовно у тебя, Бердан Рамзеич! Да што сказать — жен у нас по тебе нету. То я вижу и тому сочувствую...

Перри развернул грамотку:

ПЕТРУ ПЕРВОМУ АЛЕКСЕИЧУ Русскому Садодержцу и Государю.

«Мы, холопы твои и крестьяншики наши, в той год у твоего, великий государь, канавного и слюзного дела приставлены неотлучно были, во время пахотное и жатвенное и сенокосное в домишках своих не были и ныне по работе ж и за тою работою озимого хлеба не собирали, а ярового не усеяли и сеять некому и нечем и за безлошадьем ехать не на чем, а который у нашей братьи и крестьяншишек наших старого припасу молоченой и немолченой хлеб был и тот хлеб служилые и работные люди, идучи на твою, Великого Государя, службу и на Епифань на работу, много брали безденежно, а остальной волею Божьей от мышей поеден без остатку, и многое нам и крестьяншикам нашим такие служилые и работные люди обиды и разоренье чинят и девок до времени всех, почитай, оскоромили».

— Чуешь, Бердан Рамзеич? — спросил воевода.

— Как это попало к вам? — удивился Перри.

— А так — дуриком: у писаря моего две недели каки-то холуи чернил допытывались аль состав просили сказать за окорок ветчинный. Токмо писарь мой Жох и сам вотчинник — чернила дай, а сам в слежку, да так и дознался и грамотку проведаль... Ведь окромя воеводского приказа в Епифани чернилов нету и составные краски никому неведомы!..

— Неужели мы так народ и вправду умучили? — спросил Перри.

— Да што ты, Бердан Рамзеич! Эт у нас народ такой охальник и ослушник! Ему хоть ты што — он все челобитные пишет да жалобы егозит, даром што грамоте не учен и чернильного состава не знает... Вот, погоди, я их умещу в тесное место! Я им покажу супротивщину чинить и царю без угомону писать... Ведь это наказание Господне! И зачем их слова обучали говорить? Раз грамоты не разумеют, и от устных слов надобно отучить!..

— А вы имеете донесения, воевода, с Иван-озера? Целы там те колонны пеших рабочих и подводы, коих вы из Епифани со стражниками погнали?

— Каки колонны? Это што я на Спас послал? Куды тебе, Бердан Рамзеич! Стражник один, — тому десять дён, — прискакал оттыльча, сказывал, что пешие все на Яик и Хопер убежали, а семьи их, истинно, по Епифани с голоду маются. Отдыху от баб не вижу, а окромя — вояка стервь доносом норовит меня унять... Стерегусь государя, Бердан Рамзеич! Нагрянет — порке без оглядки предаст. Уж ты заступись, Бердан Рамзеич, аглицким богом тебя прощу!..

— Хорошо, заступаюсь, — сказал Перри. — Ну, а конные подводы работают на Иване?..

— Што ты, Бердан Рамзеич! Кони пеших упредили: все по степям и неприметным хуторам разбежались и утаились. Да разве сыщешь? Только то не к добру — лошади извелись на работах и к пахоте боле непригожи, а многие пали кончиной в степи... Тах-то, Бердан Рамзеич!

— Да! — воскликнул Перри и сжал руками свою твердую худую голову, в которой сейчас не было, никакого утешения.

— Так что ты думаешь делать, воевода? — спросил Перри. — Ведь мне рабочие нужны! Как хочешь делай, — давай пеших и конных, а то шлюзы весной смоем, а царь — мне не спустит!

— Как хошь, Бердан Рамзеич! Голову мою бери — в Епифани одни бабы остались, а в остальной воеводской земле — разбой свищет. В свое воеводство показаться не могу, куды там рабочих сыскать! Мне одна тропка: от народа голову сберег — царь снесет!

— Это меня не касается! Вот тебе наряд, воевода, на неделю: на Иван-озеро поставить 500 пеших, 100 конных; на шлюз, что при деревне Сторожевой Дубровке, 1.500 пеших и 400 конных; на Нюховской шлюз 2.000 пеших и 700 конных; еще на Любовской канал, между Шатью и Доном, 4.000 пеших и 1.500 конных, да на Гаевской шлюз конных 100 и пеших 600. Вот, бери наряд, воевода! Чтоб вся эта рабочая сила была поставлена в одну неделю! Не сделаешь — отправлю рапорт царю!..

— Слухай меня, Бердан Рамзеич!..

Перри перебил:

— Больше не слушаю. Нечего тебе мне страдать и песни петь — я не невеста! Чтоб были рабочие, а жалобы мне не нужны! Ступай в воеводство и делай мне живых людей!

— Слухаю, Бердан Рамзеич, слушаю, сударь! Токмо ни хрена не выйдет, вот тебе покойница-мать...

— Ступай в свое воеводство! — раздраженно сказал Перри.

— Дозволь тогда, Бердан Рамзеич, хучь камень дикий возкой до весны оставить. Он и пугает мужиков — дюже тяжесть агромадна да и ломка на Люторце неспособна...

— Дозволяю, — ответил Перри, догадавшись, что сейчас ему не до новых работ, впору сделанное от разлива убересть:

— Только ты ступай, воевода! Очень ты речист, а на дело хитер без смысла!

— Благодарим за камень! Прощайте, Бердан Рамзеич!

Воевода негромко выговорил еще несколько слов и удалился.

Последние слова он сказал на местном языке, по-епифански, поэтому Перри ничего в них не понял. А если б и понял, то добра бы в них себе не увидел.

VII

На зиму все пять немцев-инженеров тоже приехали в Епифань. Они обросли бородами, постарели за полгода и явно одичали.

Карла Бергена грызла жестокая скорбь по своей германке-жене, но он подписал договор с царем на год, а ранее уехать было нельзя: в ту пору лиха была русская расправа. Поэтому молодой немец дрожал от ужаса и семейной тоски, и работа у него валилась из рук.

Остальные немцы тоже заплошали и жалели, что приехали в Россию за длинными рублями.

Один Перри не сдавался, и сердечная печаль по Мери находила себе исход в его лютой энергии.

На техническом совете с немцами Перри выяснил, что положение с недоделанными шлюзами грозное. Весенние воды могут начисто снести сооружения, особенно же Люторецкой и Муровлянской шлюзы, откуда еще в августе сбежали все рабочие.

По последнему наряду Перри епифанский воевода ничего не поставил: то ли злая воля в том его была, то ли правда — рабочих согнать нельзя было.

Обсудив работы, инженеры не выдумали, как уберечь шлюзы от весны. Перри знал, что царь Петр приказывал в Петербурге инженерам, которые строили корабли, чтобы они надевали черные погребальные балахоны. Если спуск и пробное плавание нового корабля проходили отлично, царь давал инженеру-корабельщику награду сто либо более рублей, смотря по емкости судна, и личными руками снимал с инженера смертный балахон. Если же корабль давал течь и кренился без причины, еще пуще того — тонул у берега, царь предавал таких корабельщиков на скорую казнь — на снос головы.

Перри не боялся утраты своей головы, однако, допускал ее, но немцам ничего не говорил.

Потянулась великорусская зима. Епифань засыпалась снегом, окрестности окончательно замолчали. Казалось, что люди здесь живут с великой скорбью и мучительной скукой. А на самом деле — ничего себе. Ходили друг к другу на многие праздники, пили самодельное вино, ели квашеную капусту и моченые яблоки и по разу женились.

Загнанный скукой и одиночеством, один из немцев — Петер Форх — женился Рождеством на епифанской боярышне — Ксении Тарасовне Родионовой, дочери богатого торговца солью. Отец ее имел свой обоз в сорок подвод, который странствовал меж Астраханью и Москвой с двадцатью чумаками, снабжая солью полные провинции. А в молодости Тарас Захарович Родионов и сам чумачил. Петер Форх переселился к тестю и вскоре пополнял от мирной жизни и заботливого питания.

Все инженеры, под началом Перри, до самого нового европейского года усердно занимались составлением исполнительных чертежей, смет на израсходованные материалы и рабочие руки, а также проектировали всякие способы безопасного пропуска весенних вод.

Перри написал царю рапорт, где изложил всю историю работ, указал на роковую нехватку рабочих и усумнился в конечном благополучии. В копии свой рапорт Перри направил аглицкому послу в Санкт-Петербург — на всякий случай.

В феврале в Епифань прибыл царский курьер с пакетом Перри:

БЕРТРАНУ ПЕРРИ
ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ-СТРОИТЕЛЮ
Епифанских шлюзов и каналов
меж Доном, и Окой реками

«Слух о твоей неспособной работе дошел до допреж твоей челобитной. Из сей незадачи я усматриваю, что тамошний епифанский народ — холуй и пользы своей не принимает, а сверх того и тебе следует круче волю мою гнуть и утруждать сподручных втугачку, дабы никому не было под стать на ослушание решиться: будь то мастер-иноземец или черный люд.

Обсудив круг мыслей, до Епифанских шлюзов касающихся, я порешил учредительные меры на нынешнее лето.

Воеводу твою я прогнал и епитимью ему назначил — с Азова брандеры на Воронеж гнать по мелям великим. А новым воеводой посылаю тебе Гришку Салтыкова — человека

твердого и ходовитого, мне известного и лихого на скорую расправу. Он тебе будет первый помощник по пешей и гужевой силе.

Кроме того, я объявляю епифанское воеводство на военном положении, а мужеское население забираю в солдаты сплошь. Затем я шлю тебе поручиков и капитанов отборного свойства, кои с ротами епифанских рекрутов и ополченцев придут на твои работы, а ты считайся полным генералом, а помощникам и сподручным мастерам также раздай подобающие чины, коих с них станет.

В иных смежных воеводствах, кои работам твоим под стать, также я военное положение учредил».

Ежели в нонешнем лете прогадаешь со шлюзами и каналами — тогда гляди сам. Что ты британец — отрадой тебе не станется».

Перри обрадовался такому ответу Петра. Успех работ после таких епифанских реформ был теперь обнадежен. Лишь бы весна особо не нагадила и прошлогодний труд не пошел прахом и убытками. В марте Перри получил из Ньюкестля письмо. Он прочел его как весть с того света, до того заржавело его сердце к своей минувшей судьбе:

Бертран

«В новогодний день умер мой первенец, мой сын. Все тело мое болит при воспоминании о нем. Ты прости, что я тебе пишу, чужому теперь человеку, но ты верил в мою искренность. Ты помнишь, я тебе говорила — кому первому отдаст женщина свой поцелуй, того она помнит всю жизнь. И я тебя помню и поэтому пишу о своем потерянном даре — маленьком сыне. Он был мне дороже мужа, дороже твоей памяти и дороже себя. О, во сколько раз дороже всех моих кровных драгоценностей! Не буду писать о нем тебе, а то заплачу и не кончу и второго письма. Первое я тебе послала месяц назад.

Муж мне стал совсем чужой. Он много работает, ходит по вечерам в морской клуб, а я одна и мне так скучно! Единственное мое утешение — чтение книг и письма к тебе, которые я тебе буду писать часто, если ты не обидишься.

Прощай, дорогой Бертран! Ты мил мне, как друг, и словно далекий родственник, в тебе мое чувство нежных воспоминаний. Пиши мне письма, я буду очень рада их получать. В жизни меня держит только любовь к моему мужу да память о тебе. Но мертвый мой мальчик в моих сновидениях зовет меня разделить с ним его мучения и его смерть. А я все живу, бессовестная и трусливая мать.

Мери.

Н.В. В Ньюкестле жаркая весна. По-прежнему в ясные дни виден берег Европы за проливом. Этот берег всегда мне напоминает тебя, и оттого мне еще тоскливее бывает.

Помнишь ли ты стихи, которые писал мне в своем письме когда-то!

*...Возможность страсти горестной и трудной,
Залог души, любимой божеством...*

Чьи это стихи? Помнишь ли ты свое первое письмо ко мне, где признался мне в любви, стыдясь сказать мне в лицо роковые слова, я тогда поняла мужество и скромность твоей натуры, и ты мне понравился».

После письма Перри охватила человечность и нежное чувство покоя: быть может, он был доволен несчастьем Мери — судьба обоих теперь уравнилась.

Не имея в Епифани близкого знакомого, он начал ходить в гости к Петеру Форху; пил там чай с вишневым вареньем и беседовал с женой Форха — Ксенией Тарасов-

ной — о далеком Ньюкестле, теплом проливе и о европейском берегу, который виден из Ньюкестля в прозрачные дни. Только о Мери Бертран ни с кем не говорил, скрывая в ней источник человечности и общительности.

Шел март. Епифанцы постились, заунывно звонили в православных храмах, а на водоразделах уже почернели поля.

Хорошее душевное расположение Перри не проходило. Мери на письмо он не ответил ничего, да и мужу ее не понравятся его письма; писать же общие вежливые слова ему не хотелось.

Немецких инженеров Перри разослал по наиболее опасным шлюзам для руководства работами по пропуску внешних вод.

Мужики теперь ходили в солдатах. А новый воевода, Григорий Салтыков, лютовал по воеводству без спуска и милости; тюремные дома были туго населены непокорными мужиками, а особая воеводская расправа, порочная хата тож действовала ежедневно. Кнутом вбивая разум в задницу мужиков.

Рабочих, и пеших и конных, теперь было вдосталь, но Перри видел, сколь это непрочное: каждый час мог вспыхнуть бунт, и не только все побегут с работ, но и сооружения будут злобно разрушены вмах.

Но весна выдалась недружная: днем текло малыми порциями, а ночами прихватывало. Через шлюзы вода исходила, как сквозь худое ведро; поэтому немцы и дежурные рабочие успевали затыкать талой землей сочащиеся щели в водоспусках, и особых разрух не происходило.

Перри был весьма доволен и чаще навещал одинокую теперь супругу Форха, беседуя с ее отцом о чумаках-солевозах, татарских нашествиях и о сладких травах старых ковыльных степей.

Наконец, разгорелась летним огнем провинциальная прелестная весна, а затем стихла молодость природы. Наступила зрелость и злоба лета, и вся жизнь по земле затревожилась.

Перри решил к осени все каналы и шлюзы закончить. Он соскучился по морю, по родине, по старику-отцу, жившему в Лондоне.

Грусть отца по сыну измерялась пеплом из его трубки: от тоски по сыну отец неутомонно курил. Он так и сказал на прощанье:

— Берт! Сколько мне табаку сжечь придется, пока я увижу тебя...

— Много, отец, много! — ответил Бертран.

— Да уж не берет меня никакой яд, сынок! Скоро, наверно, жевать табачный лист начну...

В начале лета работа пошла спешно. Напуганные царем мужики усердно трудились. Однако, иные ветхопещерники бежали и укрывались в дальних скитах. А некоторые неумные головы шептались меж собой и увлекали целные роты на Урал и в Калмыцкие степи. За ними учреждали угон, но толку от него никогда не случалось.

В июне Перри поехал по работам. Скорость их и успешность он нашел достаточными.

А Карл Берген совсем обрадовал его. На Иван-озере, на самом низком дне, он обнаружил бездонный Колодезь-окно. Оттуда поступало в озеро столь много ключевой воды, что ее хватит на дополнительное питание каналов в мелководные сухие годы. Следует только на Иван-озере подсыпать прошлогодний земляной вал еще на сажень, чтобы собирать из колодца в озеро больше воды, а затем пускать эту воду в каналы по особому спуску. Когда надобность в том явится.

Перри одобрил изобретение Бергена и приказал тот колодезь желонкой расчистить и опустить в него большую железную трубу с сеткой, чтобы колодезь не заилился вновь. Воды тогда в озеро будет подтекать еще больше, и водный путь в засуху не обмелеет.

Страх и сомнение ужалили гордость Перри, когда он возвращался в Епифань. Петербургские прожекты не посчитались с местными натуральными обстоятельствами, а особо с засухами, которые в сих местах нередки. А выходило, что в сухое лето как раз каналам воды не хватит, и водный путь обратится в песчаную сухопутную дорогу.

По приезде в Епифань, Перри начал пересчитывать свои технические числа. И вышло еще хуже: прожект составлен был по местным данным от 1682 года, лето которого изобиловало влагой.

Поговорив с местными людьми и тестем Форха, Перри догадался, что и в средние по снегам и дождям годы каналы будут так маловодны, что по ним и лодка не пройдет. А про сухое лето и говорить нечего — одна песчаная пыль поднимется на канальном русле.

«Тогда я отца-то, пожалуй, больше не увижу! — подумал Перри. — И в Ньюкестль я не поеду и берега Европы не посмотрю!..»

Единственная надежда осталась на ключ на дне Иван-озера. Если он даст много воды, то ею можно будет прокормить каналы в суховейные годы.

Но это открытие Бергена все же не возвращало тихого покоя душе Бертрана, какой он имел после письма Мери. Втайне он не верил, чтобы колодезь Иван-озера способен был помочь обильной водой, но укрывал свое отчаяние за этой маленькой надеждой.

Сейчас на Иван-озере шла постройка особого плота, с которого подводный колодезь пробурят глубже и вставят в него широкую чугунную трубу.

VIII

В начале августа Перри получил от Карла Бергена служебный рапорт. Принес его воевода Салтыков:

— Вот, ваше превосходительство, тебе писуля пришла. Ребята мои сказывали, что мужицкая гнида вся с Татинского слюза анамеднись молчком ушла. Так я тебе спокой нащет слюза того даю: завтра баб тех, коих мужики убегли, всех сгоню на Татинку. А бегунов словлю и военно-полевому суду отдам. Снесу головы, тады поуразумеют. Видно тах-то!..

— Я с тобой согласен, Салтыков! — сказал помертвевший от забот Перри.

— Так стало, ты, ваше превосходительство, тады те смертные казни подпишешь? Упреждаю тебя, теперча ты тут всему делу голова...

— Ладно, подпишу... — ответил Перри.

— А еще, генерал, завтра у меня дочерины смотрины. Один ухажер московской, купецкий сын, мою Феклушу в дом себе примаает на супружество. Так ты приходи потчеваться...

— Благодарю. Может зайду. Спасибо, воевода.

Салтыков ушел; Перри разорвал пакет Бергена:

Конфиденциально

КОЛЛЕГА ПЕРРИ!

«С 20 по 25 июля производилось бурение подводной скважины на Иван-озере — для углубления, уширения и прочистки ее. По вашей задаче, следствием должен быть сильный приток подземных вод в Иван-озеро.

Бурение остановлено на десятой сажени по причинам, сказуемым ниже.

В 8 часов вечера 25 июля желонка перестала таскать вязкую глину и вынималась с сухим мелким песком. При сей процедуре я присутствовал неотлучно.

Отчалив от бурильного плотa, чтобы достигнуть берега по случайной нужде, я обнаружил торчащую траву над горизонтом воды, которой раньше не замечал. Ступив на береговое сухопутье, я услышал, что завывала собака, по местному прозвищу Плюшка, что питается с солдатского котла. Это меня немало смутило, несмотря на мою веру в Бога.

Солдаты-рабочие доказали мне, что с полудня и до сей поры вода в озере убывает. Подводная трава оголилась, и показались два невеликих островка по середине воды.

Солдаты были в ужасном страхе и говорили, что мы озерное дно сквозь продолбили трубой и озеро теперь иссяхнет.

Действительно, на берегу явно был заметен вчерашний урез воды, а также нынешний, и разница была на полсажени ниже.

Воротившись на борт плотa, я приказал бурение кончить и немедленно начать забивку скважины. Для сего мы опустили в подводный колодезь чугунную крышку аршин в поперечнике, но ее сразу утащило в подземную глубину, и она пропала. Тогда начали забивать в скважину обсадную трубу, набитую глиной. Но и ту трубу засосала скважина, и она утащилась туда. И сосание то длится посейчас, и вода из озера гнетется туда безвозвратно.

Сему объяснение простое. Бурильной желонкой мастер пробил тот водоупорный глинистый пласт, на котором вода в Иван-озере и держалась.

А под тою глиной лежат сухие жадные пески, кои теперь и сосут воду из озера, а также железные предметы влекут.

И дальше не ведаю, что и делать, о чем и прошу ваших приказов».

Душа Перри, не боявшаяся никакой жути, теперь затряслась в трепете, как и подобает человеческой натуре. Бертран не выдержал такого роста горя и жалобно заплакал, упершись лбом в стол.

Судьба его нагоняла всюду: он утратил родину, потом Мери, теперь случилась неполадка работ. Он знал, что не выберется живым из этих просторных суходолов и не увидит больше ни Ньюкестля, ни Европы на том берегу, ни отца с трубкой, ни Мери в последний раз.

Пустая низкая комната звучала от неистового скрежета зубов и плача Перри. Он опрокинул стол и метался в тесноте, воя от хлынувшего страдания и потеряв всякий характер. Сила горя свирепела в нем и запечатлевалась как попало и без всякого надзора со стороны разума.

Смирившись затем, Бертран улыбнулся и устыдился такого бесстыдного отчаяния. Потом вынул книжку из чемодана и начал читать:

Артуръ Чемсфильдъ
ЛЮБОВЬ ЛЕДИ БЭТТИ ХЬЮГЪ
романъ
в 3-х томахъ и 40 частяхъ

«Сударыня! Любвеобильное сердце мое, терзаясь и стеная, взывает к вам с ангельской мольбою: предпочтите меня всем светским мужчинам или возьмите из груди сердце сие и скушайте его, как жидкое яйцо! Мрачный вихрь сотрясает своды моего черепа, и кровь пылает, как жидкая смола! Ньюжли не приютишь, сударыня Бэтти? Ньюжли не боишься надгробной тоски над чужеродным тебе, но верным человеком?..

Мистрис Бэтти, я знаю, что мистер Хьюг застрелит меня из старого ружья лежалым порохом, как только я приближусь к вашему дому. Пускай то случится! Пускай обличится роковая моя судьба!

Убийца я домашних очагов! Но сердце ищет милости под комбинезоном любимой, где бьется ее сердце под холмами наивных грудей!

Бродяга я неприютный! Но благосклонности прошу у вашего солидного супруга!

Мне наскучило любить лошадей и прочих животных, и я ищу любви у более квалифицированного существа — женщины».

Перри замер в нечаянном, но глубоком и свежем сне, а книга свалилась — навсегда не прочитанной, но интересной.

Наступил вечер; комната остыла, потускнела и наполнилась воздыханием неясных лучей тайного и захолустного неба.

IX

Прошел значительный год — долгая осень, длиннейшая зима и робкая редкостная весна.

Наконец, внезапно распустилась сирень — эта роза русской провинции, дар скромных палисадов и признак неизбежной деревенской мечты.

Вся группа работ, что именуется Государственным Доно-Окским Водным Ходом, была совершена.

Предстояло многолетнее плавание небольших и значительных судов, кои к лицу сухопутной стране.

Зной водворился с мая. Сначала поля заблагоухали телами юных растений, а потом, в июне, оттуда понесло прахом вянущих листьев и остротой скисающих от жаркого моря цветов: не было дождя.

На испытание шлюзов и каналов государь прислал французского инженера, генерала Трузсона, с особой коллегией при нем из трех адмиралов и одного инженера-итальянца.

— Инженер Перри! — заявил Трузсон. — По приказанию государя-императора предлагаю вам через неделю весь путь от Дона до Оки привести в судоходное состояние! Я имею полномочия его величества освидетельствовать все водные сооружения, дабы обнаружить и установить их добротность и целям государя соответствие.

— Слушаю! — ответил Перри. — Водный ход будет готов через четыре дня!

— О, это знаменито! — провозгласил довольно Трузсон. — Исполняйте, инженер, и не задерживайте наше отбытие в Санкт-Петербург!

Через четыре дня затворы водоспусков были опущены, и вода начала накапливаться в шлюзовые плесы. Однако накоп был столь незначителен, что и в глубоких местах более аршина не получилось. Кроме того, когда вода, запертая шлюзами, чуть поднялась в реке, то подземные ключи перестали биться. На них налег тяжелый пласт воды и задушил их.

На пятый день вода в междушлюзные пространства совсем перестала добавляться. К тому же был зной, бездождие и из балок не было никакого подтока.

С Шати-реки от Муровлянского шлюза пущена была байдара, груженная лесом, с осадкой в пять четвертей аршина. Отплыв от шлюза на полверсты, она села на мель на самом фарватере.

Трузсон и его испытательная коллегия ездили на тройках по обочине водного пути.

Из крестьян, кроме нужных рабочих, никого не было на открытии водного хода. Мужики не чаяли, когда эта беда минует Епифань, а по воде никто не собирался плавать; может, пьяный когда вброд перейдет эту воду поперек и то изредка: кум от кума жил в те времена верст за двести, потому что сосед соседа в кумовья не брал — бабы не дружили.

Трузсон ругался по-французски и по-английски, но то была немощная ругань. А по-русски он не умел. Поэтому даже рабочие на шлюзах не пугались генерала — не понимали, чего кричал и брызгал ртом этот русский генерал из иноземцев.

А что воды мало будет и плавать нельзя, про то все бабы в Епифани еще год назад знали. Поэтому и на работу все жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать — к чему народ мучают — не осмеливались. Только епифанские бабы жалели мрачного Перри:

— Удобен да статен, пралич, и не стар будто, а с бабами не жирует. Не то скорбь кака гложет, не то бабу свою схоронил — кто ж его знает, не сказыват... А уж дюже горемычен на лицо — аж жутко...

На другой день нарядили сто мужиков мерщиками. Мужики пустились прямо вброд. Только у самых шлюзовых плотин они малость плыли, а то вброд всюду тянулись. В руках они несли шесты, и десятские зарубали на них глубины, а больше мерщики меряли голеньями и потом отсчитывали четвертями, а в четверти у иных были пол-аршина. Пятипалая рука тогда имела мощный мах в пальцах и мерным работам не способствовала.

Через неделю все водные ходы были промерены, и Трузсон посчитал, что и лодка не везде пройти может, а в иных местах и плота вода не подымет.

А царь приказал глубину устроить, чтобы десятипушечным кораблям безопасно по ней плавать можно было.

Коллегия Трузсона составила испытательную ведомость и зачитала ее Перри и его сподручным немцам.

В ведомости говорилось, что каналы, а равно и шлюзованные речки, не гожи для плавания и кораблевождения по причине малости вод. Затраты и труды надо почитать напрасными и никому не впрок. Далее того предлагалось распорядиться воле царя.

— Да, — сказал один адмирал из приспешников Трузсона, — учредили водяной ход! Вечное посмешище установили, великие тяготы народные расточили!.. Испозорили, изглумили государя вдрызг, — у меня и то изжога началась от таких дедов!.. Ну, теперча гляди, немцы! И ты, агличанский чудотворец, теперь кнута жди — да это еще милость!.. Страхота сию ведомость царю доложить — морду хлобыстать почнет!..

Перри молчал. Он знал, что прожект был исполнен по изысканиям того же Трузсона, но все равно ему спастись теперь не к чему.

На другой день, на восходе солнца, Трузсон уехал со своими людьми.

Перри не знал, куда ему деть привычную работоспособность, и гулял в степях целыми днями, а вечерами читал английские романы, но другие, а не «Любовь Бетти Хьюг».

Немцы сгинули через десять дней после Трузсона. Воевода Салтыков снарядил за ними угон, но угонные стражники еще не вернулись.

В Епифани из немцев остался только женатый Форх, как любивший супругу человек.

Воевода Салтыков учредил за Перри и Форхом неявный надзор, но то было известно и Перри и Форху. Салтыков ждал каких-то приказов из Петербурга и на глаза Перри не показывался.

Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал. Начинать что-нибудь делать серьезное было ни к чему. Он знал, что его ждет расправа царя. Однако в кратком смысле он написал британскому посланнику в Петербург, прося его вызволить подданного британского короля. Но Перри чувствовал, что воевода не пошлет его письмо с очередной оказией или запакует его в казенную сумку и направит в Тайный Петербургский Приказ.

Через два месяца Петр прислал нарочного с секретным пакетом. Царский курьер ехал в карете, за каретой мчались мальчишки, и пыль за ними расцвечивалась радугой от вечернего солнца.

Перри стоял в тот час у окна и видел весь этот скорый ход собственной судьбы. Он сразу догадался, с чем приехал посланец, и лег спать, чтобы скоротать ненужное время.

На другой день, на заре солнца, к Перри постучали.

Вошел воевода Салтыков:

— Аглицкий подданный, Бердан Рамзеич Перри, объявляю тебе волю его императорского величества: с сего часа ты не генерал, а штатский человек и сверх того преступник. На государеву расправу ты пешеходом гонишься в Москву со стражниками. Собирайся, Бердан Рамзеич, освобождай казенное помещение!..

Х

В полдень Перри шел по среднерусскому континенту и созерцал встречные травинки. За спиной его был мешок, а рядом стражники.

Дорога ожидала дальняя, и стражники были добры, чтобы не тратить зря душу на злобу.

Два стражника были родом из Епифани. Они сказали Перри, что завтра с утра начнут пороть в пыточной хате немца-остальца — Форха. Царь будто другой никакой казни ему не назначил, а только дать дюжую порку и выгнать в Неметчину.

Дорога в Москву оказалась столь длинна, что Перри забыл, куда его ведут, и так устал, что хотел, чтоб его поскорее довели и убили.

В Рязани епифанские стражники переменились. Новые стражники сказали Перри, что как бы войны с аглицкой державой не было.

— А что так? — спросил Перри.

— Петр-государь, сказывают, пымал у царицы на спальнях снастях полюбовника, а тот аглицким посланцем окажись! Петр-царь ему голову отрубил да царице ее в шелковом чувале и пришли!..

— Неужели так? — спросил Перри.

— А ты думал? — сказал стражник. — Видал нашего царя? Громадный мужчина! Сказывают, он тому посланцу руками голову оторвал, будто куренку какому! Шуточное ли дело? Только я слыхал, из женчины царь народ на войну не тронет...

Под конец дороги Перри не чувствовал ног. Они у него распухли, и он шел, как в валенках.

Один стражник — старик — на последней ночевке ни с того ни с сего сказал Перри:

— И куды мы тебя ведем? Может, на мертвую казнь!.. Нонешний царь горазд на всякую лютость... Я б убёг на глазах! Пра! А ты идешь цыплаком! Кровя, брат, у тебя дохлые — я б залютовал во как и в порку не дался, тем более в казнь!..

XI

Перри привели в Кремль и сдали в башенную тюрьму. Ничего ему не говорили, и Перри перестал пытаться судьбу.

В узкое окно он всю ночь видел роскошь природы — звезды — и удивлялся этому живому огню на небе, горевшему в своей высоте и беззаконии.

Такая догадка обрадовала Перри, и он беспечно засмеялся на низком глубоком полу высокому небу, счастливо царствовавшему в захватывающем дыханье пространстве.

Перри проснулся сразу, не помня, как он заснул. Проснулся он не сам по себе, а от людей, которые стояли перед ним и негромко говорили, не будя заключенного, но он сам проснулся, почуяв их.

— Бертран Рамзей Перри, — сказал дьяк, вынув бумажку и прочтя имя, — по приказу его величества, государя императора, ты приговорен к усечению головы. Больше мне ничего не ведомо. Прощай. Царствие тебе Божье! Все ж ты человек!

Дьяк ушел и задвинул снаружи наглухо двери, не сразу управившись с железом.

Остался другой человек — огромный хам, в одних штанах на пуговице и без рубашки.

— Скидавай портки!

Перри начал снимать рубашку.

— Я тебе сказываю — портки прочь, вор!

У палача сияли диким чувством и каким-то шумящим счастьем голубые, а теперь почерневшие глаза.

— Где ж твой топор? — спросил Перри, утратив всякое ощущение, кроме маленькой неприязни, как перед холодной водой, куда его сейчас сбросит этот человек.

— Топор! — сказал палач. — Я без топора с тобой управляюсь!

Резким рубящим лезвием вцепилась догадка в мозг Перри, чуждая и страшная его природе, как пуля живому сердцу.

И эта догадка заменила Перри чувство топора на шее: он увидел кровь в своих онемелых, остывших глазах и свалился в объятия воющего палача.

Через час в башне загремел железом дьяк.

— Готово, Игнатий? — крикнул он сквозь дверь, притулясь и прислушиваясь.

— Обожди, не лезь, гнида! — скрежеща и сопя отвечал оттуда палач.

— Вот, сатана! — бормотал дьяк. — Такого не видал вовеки: пока лютостью не изойдет — входить страховито!

Зазвонили к «Достойно» — отходила ранняя обедня.

Дьяк зашел в церковь, взял просфорочку для первого завтрака, и запасся свечечкой — для вечернего одинокого чтения.

* * *

Епифанский воевода Салтыков получил в августе, на яблошный спас, духовитый пакет с марками иноземной державы. Написано на пакете было не по-нашему, но три слова — по-русски:

БЕРТРАНУ ПЕРРИ ИНЖЕНЕРУ

Салтыков испугался и не знал, что ему делать с этим пакетом на имя мертвеца. А потом положил его от греха за Божницу — на вечное поселение паукам.

Епифанские шлюзы — Впервые в журнале «Молодая Гвардия», 1927, № 6.

В письмах (1926—1927 г. г.) из Тамбова в Москву, Платонов, «губернский мелиоратор», развернувший работы по осушению болот, по очищению рек Черная Калитва, Тихая Сосна, наживший немало врагов-сослуживцев — из-за своей чрезмерной, вненормативной активности, «ненужной» талантливости! — несколько раз сообщает жене М. А. Платоновой о «Епифанах», т. е. о повести «Епифанские шлюзы», о работе, посвященной «Волгодонскому каналу Петра I». Он не обозначает жанра произведения, пишет то, «что выйдет»:

«Работаю над Епифанами...

Очень мало исторического материала, опять придется лечь на свою «музу»: она одна еще мне не изменяет...

«Епифанские шлюзы» написаны, не веришь?.. Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в страшных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно.

Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, заброшенной и страстной,
Залог души, любимой божеством...

Спутал, забыл, очень старо, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Епифань из Нью-Кастля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский воевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ не шел на работы в глухих местах. Вот тебе Епифанские шлюзы...» («Живя главной жизнью: В кн. Платонов Андрей. Государственный житель. М., 1986, с. 552, 553-554).

В отдельном письме Платонов «вспомнит» куда более точно те стихи, что «написал» Перри в далекую Англию еще не наказанной, «догматичной, несокрушимой, как резец, как «карборунд», невесте: «Возможность страсти, горестной и трудной...» Вспоминать и уточнять, видимо, не было особой нужды: Платонов попросту досочинил цитату, вверенную им своему герою, из ранней поэмы — кого? угадать почти невозможно? — И. С. Тургенева. Да, из его ранней поэмы «Параша» (1843). Вводить ее в число источников повести неумолимого эколога планеты, певца умных машин Платонова весьма трудно, несколько непривычно. И все же...

У Тургенева эти неожиданные в платоновском космосе строчки, обращенные романтиком-тегелъянцем к своей героине, варианту пушкинской Татьяны, звучат все же иначе:

Но взгляд ее задумчиво-спокойный
Я больше всех любил: я видел в нем
Возможность страсти горестной и знойной,
Залог души, любимой божеством.

«Знойность», конечно, не входила в число добродетелей платоновской женщины, вечно антисексуальной: он сделал страсть и «горестной и трудной».

Но все остальное в повести, в диалоге, споре Перри и Мери? Странно, но переключка мотивов действительно углублена и ужесточена.

О каком «залоге», да еще пропавшем, идет речь? Почему, на наш взгляд, именно и эти две строчки и вся драма усадебной тургеневской девушки Параши, тоже дурно распорядившейся «залогом», уникальной возможностью страсти горестной и знойной, так глубоко тронула Платонова?

Согласно тургеневской философии 40-х годов, — а он только что вернулся из Германии, отчизны Канта, Гегеля, — в человека вкладывается божеством (конечно, гегелевским «абсолютным духом») некий дар, залог, волшебный огонь, возможность свершить подвиг любви, творчества, прожить жизнь в состоянии, как говорили романтики, «святого, благодатного страдания», не утратить, не распылить этого святого дара, частицы мировой силы любви (мирового эроса) в среде житейской пошлости, обыденности. Тургеневская Параша не стала «женщиной небывалой», предпочла обыкновенный брак, житейский расчет, обменяла свой залог на заурядно-счастливый брак. И в финале поэмы Тургенев пишет: «Но все же мне слышен хохот сатаны...» Сатана смеется над Богом, вложившим доверчивой Параше такой чудесный залог в слабую, грешную человеческую душу. От кого ты, слепец, ждал чуда, подвига, величия?

Автор слышит этот хохот, скорбит над проигрышем Бога и не хочет видеть замужнюю «Прасковью Николаевну», вполне испортившую себя:

Но — Боже! то ли думал я, когда
Исполненный немого обожанья,
Ее душе я предрекал года
Святого, благодатного страдания!

В повести Платонова в силу разных причин «пропадают» целых два божественных залога. Вначале Мери Карборунд признается Перри, что ей нужна семья, дом, любовь попроще: «Я женщина, я слаба без тебя, как веточка, и отдала свою жизнь другому». Затем сам Перри, убедившись, что шлюзы не состоялись, тоже ощущает: и его дар гения, инженера, и его «залог» здесь, в России, тоже пропали. Не ему суждено победить судьбу под этим российским загадочным небом. Не случаен в повести образ «страшная высота неба над континентом» и сам взгляд жителей Епифани на стройку: «на работу все жители, глядели как на царскую игру и на иноземную затею, а сказать — к чему народ мучают — не осмеливались». И здесь сатана может посмеяться над Богом. Впрочем, сатана и смеется над сыном Божиим в сатанинском облике душителя, палача-гомосексуалиста, «огромного хама», обходящегося без топора: «У палача сияли диким чувством и каким-то щемящим счастьем голубые, а теперь почерневшие глаза».

По сути дела в повести свершаются две трагедии, исходная причина которых односторонность, мелочное, тщеславное решение человека, его мелкие расчеты, явно разрушающие цельность души, залог божества в ней. Обе трагедии уводят мысль и чувство писателя далеко за пределы и условного Нью-Кастля, где расчетливо-эгоистичная Мери была сурово наказана утратой того, что «дороже всех моих кровных драгоценностей» — маленького сына, — и Епифани, где честолюбец Перри, разрушитель и убийца домашних очагов, видит, как иссыхает Иван-озеро, как в скважину, неразумно пробитую трубой, вода уходит. И не просто уходит: «гнетется туда безвозвратно».

Позднее, в статье «О социалистической трагедии», опубликованной лишь в 1991 году, Платонов скажет о неумолимом возмездии за любой эгоизм, дисгармонию, за слепую суетливую растрату самой «возможности страсти, горестной и трудной»: «Надо не высовываться и не упиваться жизнью: наше время лучше и серьезнее, чем блаженное наслаждение. Всякий упивающийся обязательно пропадает и гибнет, как мышонок, который лезет в мышеловку, чтобы «упиваться» салом на приманке. Кругом нас много сала, но каждый кусок на приманке».

Трудно согласиться с вульгарно-политизированным, измывающим замысел писателя, систему его тревог за человеческие решения и влечения выводом, привязкой по времени, современного толкования повести: «Строительная гигантомания «отца народов» (т. е. создание Магнитки, Уралмаша, сотен машиностроительных, танковых и автозаводов — В. Ч.), стоившая жизни миллионам (!) людей, служит самым убедительным комментарием к цитатам из Платонова» (Громов-Колли А. Заметки об исторической реальности, условном прототипе и проблематике повести «Епифанские шлюзы», в сб. «Страна философов» Андрея Платонова, вып. 2, с. 216).

Безусловно, любопытны и многие традиционные указания на первоисточники повести: реальные материалы работы англичанина, капитана Перри («Перрия») по прорытию шлюзового канала, соединяющего бассейны Волги и Дона (их собрала Т. А. Никонова в давнем «Комментарии к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» В кн.: Творчество Платонова. Воронеж, 1970) и произвольные версии Л. Аннинского о главном конфликте повести — о «столкновении европейского сознания с русскими, которые «дики и мрачны в невежестве своем», о бездуховности европейского, точечного арифметического сознания» Т. Перри, якобы променявшего на закон свободу своего духа» (Аннинский Л. Запад и Восток в творчестве Андрея Платонова. «Народы Азии и Африки», 1967, М., с. 104-105).

Более точна оценка главного конфликта повести, данная Е. Толстой-Сегал:

«Платонов, обратившись к «петровской» теме, находит оригинальную позицию: он не склонен объяснять гибель героя — честного инженера — англичанина Перри, не сумевшего осуществить смелый замысел Петра — канал между Доном и Окой, — ни действием «стихийных косных сил», ни вмешательством «европейских чуждых сил»... «Утечка» (т. е. неполная стыковка, дисгармония между европейским разумом и «азиатской» стихией» — В. Ч.) происходит в цепи передач между идеей и действительностью: идея искажается, а действительность разрушается... Фатализм Перри проистекает из того же саморазрушающего импульса, что и влюбленность в дику страну: по сути дела, это та же завороченность дикостью, как и у «попутчика» (того же писателя Б. Пильняка — В. Ч.), вглядывающегося в «стихию», или «спеца», обольщенного размахом «преобразования природы» (Толстая-Сегал Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928—1929). В сб. *Slavica Hierosolymitana*. Vol. III. Jerusalem, 1978, s. 95).

Эта традиция — оценивать повесть как героическую, «вовлеченную» в летописание славных дел Петра, как своеобразное продолжение платоновских работ по обводнению области, созданию дешевых водных путей, — мешает все же увидеть тот смысл, который заключен и в гибели Перри, и в жизненной катастрофе Мери. Почему-то комментаторы почти не обращают внимания на то, что реальный Перри вовсе не погиб в застенке, а свободно уехал в Англию. А столь злополучные каналы в повести, составляющие якобы «историческую канву событий» (Т.А.Никонова), оказывается, были успешно построены и какое-то время действовали, пропустив до 300 судов.

Андрей Платонов — лучший, не умозрительный комментатор своих произведений. Трагический финал «Епифанских шлюзов», «утечку» счастья, равновесия, возможного и свершившегося на стыке техники и природы, он объяснил предельно ясно:

«Между техникой и природой трагическая ситуация. Цель техники — «дайте мне точку опоры, я переверну мир». А конструкция природы такова, что она не любит, когда ее обыгрывают... Природа держится замкнуто, она способна работать лишь так на так, даже с надбавкой в свою пользу, а техника напрягается сделать наоборот... Мы лезем внутрь мира, и он давит нас в ответ с равнозначной силой» («О социалистической трагедии»).